

Р. ГОЛЬДТ

Религиозный кризис и протест против мира отцов*

Оппозиция к родительскому дому и политическая оппозиция к государству коренится в религиозном кризисе Замятина, который уже в первые годы пребывания в Петербурге приводит его к отказу от христианской веры. В то время, как его политическая ангажированность останется эпизодом, обращение Замятина к атеизму означает решение, которое уже никогда не будет пересмотрено. Возможно, к изоляции его в годы изгнания привел не столько категорический отказ публиковаться в эмигрантской прессе, сколько его отрицательное отношение к русской ортодоксальной церкви: «Он был неверующим человеком, далеким от всякой метафизики», — вспоминает З. Шаховская, одна из близких знакомых Замятина в его драматические годы. Это и подобные свидетельства дают нам информацию не только о Замятине-человеке, но и о совершенстве его маскировки. Его отношение к религии было весьма неоднозначным, чем это может показаться на первый взгляд.

Замятин скептически относился к оформившимся религиозным институтам. В этом отношении его атеизм заставляет его выступать скорее посторонним, чем несогласным членом партии. Замятин никогда не участвовал в антиклерикальной пропаганде советского государства, отдельные административные мероприятия, например снятие церковных колоколов в конце 1920-х гг., получили его отрицательную оценку.

В его литературном творчестве изображение церкви и духовенства остается также амбивалентным. Отношение к религии, выражающееся

* Впервые: *Religiöse Krise und Aufstand gegen Vaterwelt // Goldt R. Thermodynamik als Textem. Der Entropiesatz als poctologische Chiffre bei E. I. Zamjatin. Liber Verlag GmbH, Mainz, 1995. S. 124–131.* Публикуется по этому изданию.

в текстах стилистически в зависимости от жанра, свидетельствует о его непрерывном интересе к религиозным проблемам. Но этот интерес ни в коем случае не выливается в абстрактные философские рефлексии. Многочисленные заметки в сохранившихся записных книжках подтверждают его неожиданно активное участие в судьбах ортодоксальной церкви в атеистическом государстве. Поездки Замятина по России предоставляли ему материал, который обнажал провоцируемый государством упадок.

«Лебедянь. 1921.

Церковь. Богослужение по случаю Вознесения Марии. Пустота, эхо. В хоре — монахини (бывшие) в белых платках... унылый, одинокий голос пономаря... Священник ведет службу на два голоса (дьякона нет): голосом дьякона — басовито, затем голосом священника — тенором».

От публичных комментариев на религиозные темы Замятин воздерживался. Относительно его собственного мнения существует несколько записей о детстве и юности, которые представляются все же стилизованными. В любом случае они не совпадают с той точкой зрения, которая, например, содержится в некоторых сохранившихся детских письмах.

Зарождающиеся религиозные сомнения неразрывно связаны с отчуждением от отцовского авторитета, который двояко представлял христианскую веру. Выросший среди женщин (бабушка, мать, тетя и сестра), Замятин переживает интенсивный конфликт с отцом, который отражается в его литературном творчестве. Здесь происходит попытка освобождения от предрассудков религиозных, политических, семейных и эротических. Неудача этой попытки раскрывается в ситуации с Д-503 — восстание против Благодетеля — яркого воплощения сверхотца. В экспозиции инквизиционной драмы «Огни св. Доминика» вольно или невольно также проступает ситуация самого Замятина, революционного петербургского студента: молодой *Ruy de St. Cruz*, обращенный протестант, возвращается после учебы в Нидерландах в свой родной город Севиллу и оказывается в трагическом противоречии с семьей и государством.

Мотив чуда, совершившегося благодаря молитве, также указывает на литературное произведение. В «Чудесном знамении» (1918) монах Селиверст удаляется в келью умершего блаженного, чтобы там изо дня в день молиться о чуде в то время, как его собратья погрязли в мирских удовольствиях: «Я жажду, отец. Огонь пожирает меня. Я жажду невозможного, о чудесном знамении молю я — чтобы верить, я требую чудесное знамение».

Во время пожара Селиверсту была, наконец, дарована божья милость, когда он погасил пламя с помощью иконы. Вновь полученное подтверждение существования Бога оставляет, однако, в монахе внутреннюю пустоту и бесконечную усталость. Природа покинута Богом («Словно выметено ветром было темно-синее, пустое и страшное небо»). Селиверст бросается в близлежащее озеро, надеясь на его дне увидеть лучший мир. В свободной смерти он остается по-агасферовски ищущим мифический Китеж-град.

«Чудесное знамение» — это компактное иносказательное выражение замятинского понимания религии, которое вытекает из сознания необходимости отсутствия Бога: только отсутствующий Бог окрыляет человека к высшему стремлению, а Бог, открывающийся во время чуда, действует в духе Великого Инквизитора Достоевского и отнимает у человека свободу. Первоначальные религиозные чувства направлены на поиск самого себя: изнуряющий себя истинной верой представляет собой всегда сомневающегося духовного кочевника, «скифа» в системе, понятий Замятина. Замятин берет самого Иисуса Христа как образец своей теории. Личность Христа канонизирована в тот момент, когда он чувствовал себя покинутым своим отцом и, казалось, побежденным. Если человек приобщится к абсолютному, то мистерия иссякнет. Стремящийся вперед должен постоянно ставить себе новые цели. Просто же верующий воплощает энтропическое мышление: «Кто уже сегодня нашел свой идеал, тот, как жена Лота, превратился в соляной столб, сросся с землей и не движется больше вперед».

Мотив неслышанной, замирающей молитвы положен в основу образа мальчика Атиллы в позднем произведении «Бич Божий». Старший сын князя гуннов Mudjug переживает освобождение от религиозной иллюзии как необходимый акт одновременного освобождения от бога и от отца. Юноша, которому внушили мысль о всемогуществе бога гуннов, верит в идолов еще сильнее и еще более утрашающе, чем отец: «Он (бог) может все. Иди туда и настойчиво думай о том, что тебе надо», — советует ему божий человек. Однако очень скоро Атилла узнает, что его просьба о тяжелом (несправедливом) наказании остается неслышанной. Земной же отец безнаказанно сопротивляется казалось бы всемогущему богу: только собственная воля, превосходящая сила движут этим миром. К такому неопределенному выводу приходит ребенок.

После молчаливо перенесенного наказания Атилла решается на святотатство: из-за того, что он пережил недавно со своей маленькой собакой, он хочет поразить стрелой идола в храме. Неосознанно подчиняясь архетипическим обрядам посвящения, юноша покидает родительский дом и проводит ночь перед свершением задуманного в лесу. Там он неожиданно начинает понимать язык волков — символ

его предстоящего превращения и предсказания дальнейших событий, где волк, содержащийся в неволе в Риме, становится его тотемическим alter ego. Но Атиллу еще не достиг мужской зрелости, поэтому символическое убийство отца не должно удался: «Он смотрел вверх, на божество, совсем так, как он смотрел на отца. Его глаза были широко раскрыты, как оскаленная пасть. Тут он заметил на земле золото, золотые кубки и лук... Он поднял лук, поставил его на землю, ногой наступил на один его конец и вложил стрелу. Тетива была тугая, а его руки — еще детские, и ему не удалось натянуть ее».

Триумф Заратустры — возвестить о казни Бога человеком — для Атиллы не осуществился. Только после того, как из-за последующей попытки убить отца юношу передают в качестве заложника в Рим, его желание осуществляется страшным образом: в день его отъезда отец погибает от несчастного случая.

Из воспоминаний Замятина о напрасной спасительной молитве и возникшем отсюда освобождении от иллюзий проступает, конечно же, взрослый человек, оглядывающийся на наивную детскую веру. О действительном кризисе веры в это время еще не может быть и речи. Еще в 17-летнем возрасте Замятин ощущает себя обязанным по отношению к религиозным убеждениям семьи и окружающих. 13 апреля 1901 г. Замятин гордился тем, что может сообщить своей сестре из Воронежа об оценке «очень хорошо» по закону божьему, которую он называет первой среди всех перечисленных отметок.

В маленьком сочинении о любви, написанном на следующий день, гимназист подчеркивает свое отрицательное отношение к материализму: «Есть люди, которые не признают любовь как ощущение души, я же как не материалист убежден в том, что есть духовная любовь».

Гимназиста, кажется, скорее можно понять не как атеиста, а как идеалистического просветителя. Очень рано проявился его интерес к Западной Европе, ее политическим и социальным реформам, уважение к которым Замятин сохранил как в политическом, так и в эстетическом отношении и в более поздние годы.

Школьное сочинение Замятина о Петре Великом, оставшееся до последнего времени неизвестным, объясняет до некоторой степени взгляды ученика в период его переписки со своей сестрой. Конечно, царская гимназия не была местом, где можно было выражать политически бунтарские взгляды, это только выбор и взвешивание фактов, которые в этом случае говорят сами за себя. Резюмируя, Замятин подчеркивает наряду с известными заслугами Петра усилия царя по решению проблемы элементарных прав человека так же и для крепостных. Для молодого Замятина менее примечательны такие нововведения царя, как централистическая реорганизация

управления, лишение политической власти церкви и становление России как Великой державы, чем забота Петра о самых бесправных: «Петр I стремился к тому, чтобы по возможности улучшить положение крепостных: он запретил единичную распродажу крестьян, например: дети отделяются от родителей, отменил в некоторых случаях пытки».

Закончив гимназию с золотой медалью, Замятин в 1902 г. поступает на кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института, по его словам, из-за связанной с этим возможности много ездить. Его специальность позволяет во время практики совершать длительные поездки по России, а в 1905 г. — на гору Афон, в Константинополь, Смирну, Бейрут, Джаффу, Порт Саид и Александрию. Самое сильное впечатление произвел Иерусалим, где он провел одну неделю в семье знакомого араба. Позже только Эдинбург и Прага смогут вызвать у Замятина подобное восхищение. После возвращения Замятин становится свидетелем бунта на броненосце «Потемкин» в Одессе. Пережитое там нашло отражение в рассказе «Три дня», написанном в 1913 г.

Возвратившись в Петербург, Замятин попадает под революционное влияние. Имеющейся информацией о более подробных обстоятельствах его ареста в 1905 г. мы обязаны тому факту, что он в июне 1908 г. «покорнейше» и «с приложением всех необходимых документов» ходатайствовал о должности в министерстве торговли и промышленности. Просьба Замятина передается 14 июня в канцелярию министра, а 17 июня оттуда поступает в полицию конфиденциальный рутинный запрос относительно политической благонадежности Замятина. Ответ с пометкой «секретно» впервые проливает свет на обстоятельства, которые в 1905 г. привели его к аресту:

«Е. И. Замятин был арестован в декабре 1905 года на квартире Константина фон Шульмана во время проведения там тайного собрания боевой дружины Выборгского района города. Во время ареста здесь находилось 80 вооруженных человек. В указанной квартире были найдены взрывчатка, боеприпасы и оружие. Хотя обыск дома Замятина не дал отягчающих доказательств, все же ввиду его присутствия в квартире Шульмана и принадлежности к боевой дружине социал-демократической партии Выборгского района Петербургское губернское полицейское управление возбудило против него судебное дело. Дело было передано 20 июня 1906 года в прокуратуру Санкт-Петербургского трибунала...»

